

Институт убедительной бессмыслицы: кто такие standup-экономисты и чем они заняты в nothing tanks

Тяга к знаниям до добра не доведёт. Например, не кажется ли вам, что в современной России научные исследования в области социальной сферы довольно большая редкость? Я тоже так думал.

Институт социальных занятий

Третьего дня мне по служебной надобности потребовалось на скорую руку выяснить, не занимался ли какой-либо научный центр, институт или прочий досужий люд исследованием такого вопроса, как анализ эффективности предпринимаемых Рострудом мер по борьбе с безработицей. В меланхолии набрал я в «Яндексе», где лучше всего прятать что-либо маловразумительное (сборник демографа Анатолия Вишневского, где в разделе «Библиография» можно было бы в теории найти полезную ссылку, был не под рукой), сочетание слов «Институт социальных...» и нажал неосмотрительно Enter. Потратив 15 минут на открывшиеся более 20 млн ссылок в российской Сети, я вполне бы мог основать Институт исследований сферы социальных исследований. Вот бездна: оказывается, в настоящий момент в мире, где русский язык является употребимым, есть:

- * Институт социальных систем (ну, это-то мы знаем, при МГУ, но есть и ещё парочка);
- * Институт социальных коммуникаций;
- * Институт социальных инициатив;
- * институты социальных наук (не менее шести штук);
- * институты социальных исследований;
- * Институт социальных перспектив;
- * институты социальных связей;
- * институты социальных проблем (в ассортименте, в том числе благотворительный фонд);
- * Институт социальных и гуманитарных знаний (Российский независимый);
- * Институт социальных и национальных проблем (с филиалами);
- * Институт социальных и политических технологий;
- * Институт социальных исследований и анализа;
- * Институт социальных исследований и инноваций;
- * Институт социальных исследований и проектов (г. Мытищи);
- * Институт социальных наук, бизнеса и экономики;
- * институты социальных и информационных технологий;
- * Институт социальных исследований и гражданских инициатив;
- * Институт социальных инвестиций;

* Институт социальных образовательных технологий;

* Институт социальных и общинных работников (за этой вывеской всего лишь учебные курсы еврейской организации «Джойнт», не претендующие на что-то большее);

* Институт социальных наук и самоуправления (украинско-азербайджанский, имени Гейдара Алиева);

* Институт социальных и культурных связей имени Св. княгини Ольги Киевской;

...и я не уверен, что мой перечень, в котором не менее 25 институтов, полон.

Моя личная тройка лидеров — Институт социальных и гуманитарных знаний им Сороса (орфография ссылки сохранена, судя по ссылке, он торгует поддельным высшим образованием в Казани), многообещающий Институт социальных значений и непревзойденный Институт социальных занятий, но это, кажется, просто машинный перевод названия гаагского центра ISS. Впрочем, почему бы и не быть такому институту?

Институты социального всего предаются в бывшем СССР самым разнообразным социальным занятиям — они образуют студентов по специальности «социокультурный сервис и туризм», выполняют исследования ростовских и омских администраций по самым неожиданным темам, пишут концепции развития чего-нибудь где-нибудь, выступают с инициативами организации межконтинентальных культурных мостов, участвуют в соискании государственных грантов, созывают международные конференции и пишут открытые письма президенту Российской Федерации Медведеву Д.А. на темы, которые я не берусь изложить. Исследованиями в интересующей меня области бездна, увы, не занимается или по крайней мере скрывает.

Впервые я познакомился с бизнесом, которым занято большинство перечисленных структур, на заре его создания, весной 1992 года. Тогда невесть чем занимающиеся соседи по Бауманскому райкому КПСС, где я спасался от безделья распродажей безнадежно приватизированной начальством в здании старой мебели, неожиданно пришли ко мне с бутылкой чилийской водки (ей оптом торговал какой-то мужик с третьего этажа) и огорошили идеей. Предлагалось немедленно присоединиться к созданию Международной академии профессионально-технического образования — стать третьим. Я отказался, а, возможно, напрасно — был шанс стать первым в мире академиком, не имеющим не только высшего, но даже и профессионально-технического образования.

Лишь сейчас я понимаю, как молод и глуп я был: академия ПТО процветала ещё несколько голодных лет, а академиками той академии, говорят, представлялись прилично одетые люди ещё в конце 90-х годов.

Академия свободного времени

Явление, которому обязано изобилие институтов и академий всего на свете, тем не менее может и должно быть поименовано. Мои изыскания в этой сфере локальны, я постоянно сталкиваюсь с ним в околоэкономических и экономических темах.

Однако даже поверхностный анализ позволит найти их во всех сферах знаний и деятельности, как-либо связанных с государством.

В отличие от футбола и медицины, экономика, по крайней мере в традиционном понимании, является сферой знаний, в которой суждение требует формальной компетентности. Экономистом, вероятно, следует называть лицо, зарабатывающее себе на жизнь научными или прикладными исследованиями в области экономики, — по аналогии с химиками, социологами и даже почвоведом. Впрочем, в силу ряда причин, первая из которых — специализация подавляющего большинства экономистов СССР на почившей в бозе социалистической экономике, ряды российских экономистов, имеющих относительно адекватное мировой экономической науке образование и мировоззрение, негусты. Как правило, это довольно занятые люди, даже если учитывать, что научная среда вязка, ориентирована на неспешность в работе, они не склонны, по крайней мере в России до последнего времени, к выдвиганию из своей среды признанных авторитетов, которые были бы известны обществу. Вдобавок нечасто учёный стремится к публичности. И наконец, лучшие из российских экономистов работают в негосударственных учебных и научных заведениях, а довольно часто и вовсе за пределами РФ: Российская экономическая школа — нечастое исключение.

Но что же делать заинтересованным в компетентном мнении лицам, если им в нынешнем экономоцентричном мире нужно мнение экономиста, а желательно — независимого, что бы это ни значило? Такие лица нередки и во властных структурах, да и сам я, работая в газете, являюсь таким вот требующим лицом. Круг тем, которые бывают им интересны, необъятен — от экономики трубопроводного хозяйства на стыке с геополитикой до

дизайна системы социальных пособий. Именно так из духа информационного голода и ограниченности выбора рождается standup-экономист.

Первые в России standup-экономисты появились задолго до того, как московские эксцентричные миллионеры адаптировали в торговом центре «Атриум» импортный жанр standup comedy к традициям КВН. Ещё в Госдуме первого и прочно забытого созыва отдельные депутаты уже осознали, как легко сформировать у наивной журналистской братии репутацию человека, разбирающегося в экономике. Лишь через пару-тройку лет дружившие с думскими коммунистами экономисты — академики РАН в беседах начали с горечью отмечать, что пресса всё более и более цитирует каких-то малопонятных людей, бойко и уверенно рассуждающих в газетах, на радио, на телевидении, на появляющихся постепенно международных и межгалактических форумах о динамике ВВП, уровне безработицы, социальной политике, пенсионной системе и приватизации. Гуру тех лет уже не на слуху. Однако первые из них уже понимали, что лишь сейчас ты — депутат Варфоломей Тверцов из КПРФ, но не всякому Тверцову уже через пару лет быть депутатом на Москве или даже чиновником в обладминистрации. Кому-то придётся идти на улицу и там пережидать неудачу.

И они уже слышали краем уха термин — think tank.

Ума цистерна

В России исходно слово tank воспринимали с некоторым романтизмом: по-английски это или «бак, цистерна, вместилище», или же «танк» — первые танки Первой мировой в прессе даже предлагали именовать «лоханью», шутка британской разведки, выдававшей отправляемые на фронт танки за цистерны с водой, пришлась здесь по вкусу. Think tanks, независимые исследовательские центры, до 50-х годов в США изредка так и именовали — «коробки с мозгами», brain boxes. К новейшему времени английский ещё не успели выучить вновь: «мыслительный танк» для русского слуха звучало во второй половине 90-х куда как агрессивнее, а значит, потенциально покупаемое, тем более что мозгами коробку набивать никто не нанимался. Время пошло: к началу нового тысячелетия число институтов международных коммерческих связей и коммуникаций, академий межрегиональной экономической и государственной безопасности и центров исследований социально-трансформационных процессов (поищите их в «Яндексе» — я их только что придумал, но, возможно, они уже есть) было столько же, сколько потенциальных standup-экономистов. На названиях никто не экономил: качественный standup-экономист — это один think tank российского разлива плюс один секретарь на телефоне. Для удобства предлагаю именовать их nothing tank — как бы вас ни убеждали, в большинство этих цистерн ничего, кроме описанного плюс пары мальчиков-райтеров, собственно, и не наливали.

Поначалу все этим и исчерпывались. Название nothing tank можно было найти лишь в справочнике «Жёлтые страницы» (хорошая работа секретаря) и на визитке standup-экономиста, на самом деле просто пересидевшего месяцы без приличной госдолжности или заказа в этой славной богадельне, — надо же кем-то представляться! Но тут же открылось, что nothing tank, оформленные то как некоммерческие партнёрства, то как ООО, востребованы российской госреальностью не меньше, чем standup-экономисты страдающим от дедлайна репортёром, которому остро нужно мнение отсутствующего в России вообще специалиста по российско-бирманскому экономическому сотрудничеству. А затем имиджевый капитал начал конвертироваться в материальный, и наоборот.

Например, nothing tank стал просто восхитительным способом распила заказов министерств на социогуманитарные НИОКР. Или — под флагом nothing tank оказалось отлично проводить форумы наступающего третьего тысячелетия.

Наконец, именно в этих структурах можно было приютить изгнанного за пьянство или просто поссорившегося с начальством специалиста из министерства или ведомства. Не только достаточно компетентного для написания устраивающего высокие госорганы документа, но и способного научить standup-экономиста новым, неизвестным ему терминам, написать ему убедительную речь, а то и посоветовать хорошие ходы в госструктуре. А там, глядишь, у nothing tank появится и покровитель.

Глобализация небрезгливых

Спустя всего несколько всё более тучных и тучных лет nothing tank стал основной организационной формой производства околэкономического и околполитического бормотания. В силу особенностей политического режима, его закрытости и малой внятности, темы на стыке экономики и политики стали чрезвычайно популярными, и у ещё никому не ведомых владельцев вновь и вновь открываемых nothing tanks стали появляться иллюзии самого радужного колера. Например, в секторе сложилось мнение о том, что никаких think tank за пределами РФ, не копирующих эту модель, не существует. О том, что продукция российских

nothing tanks имеет полное право называться «аналитическими докладами» и это не позорно. О том, что человек, создавший nothing tank, может продавать консалтинговые услуги на открытом рынке, в том числе частным компаниям.

Наконец, о том, что всякий, у кого хватило ума зарегистрировать ООО nothing tank в области экономики, по определению и есть экономист. Экономистов же, зарабатывающих себе на жизнь чем-то более конкретным, в этой среде для различения именовали или «академическими учёными-экономистами», или же «экономистами-теоретиками». Тем более что, в силу пещерности заказчиков, спрос даже на полную чушь остаётся высоким.

Когорта пополнялась и конкурирующими за госденьги и деньги околосударственных заказчиков «дочками» советских институтов, быстро деградировавших до состояния «бывший учёный и его секретарь», и отставными чиновниками, и неудачливыми политиками, и честолюбивыми коррупционерами.

К 2009 году феномен standup-экономизма в нынешнем его состоянии по итогам развития института nothing tanks уже дошёл до логического предела, угрожая среде, на которой он паразитирует. Неразличение публикой экономиста и standup-экономиста стало почти всеобщим, между ними ставится знак равенства. В действительности для твёрдого их различения одной компетентности берущего у специалиста интервью уже не всегда достаточно. Истинный standup-экономист, закалённый в ток-шоу и панельных дискуссиях, как правило, агрессивнее и категоричнее в суждениях любого узкого профессионала, готов рассуждать о чём угодно в любую минуту, обеспечит острую полемику на любую околэкономическую тему и всегда на связи.

Наконец, ему доступно то, что недоступно собственно экономисту: теория заговора, экономическая и геополитическая конспирология, тайные секретные доклады ЦРУ, воображаемые беседы с высшими госчиновниками на закрытых совещаниях на правительственных дачах и в банях. Они уже интегрированы в мировую элиту, они формируют экспертные советы, они дают консультации и готовы войти в правительство послезавтра — завтра у них конгресс в Майами или в Перми. Отсутствие «официального» статуса — дело времени: во-первых, он постепенно появляется (в рамках работы откатно-распилочного ведомственного цеха), во-вторых, это лишь подтверждает статус nothing tank как воистину не зависимо ни от кого института.

Как может соревноваться, по крайней мере в публичном поле, с такой огромной величиной скромный профессор-экономист, который по какой-либо необходимости захотел этим заняться? Например, от чистой ненависти к бредовым умопостроениям или в целях популяризации научного знания, а то и просто исходя из того, что публичная репутация — право любого знающего человека. Тем более что реальные think tanks, равно как и настоящие экономисты, не свободны от материальных потребностей и политических амбиций. А в мутной водичке современной околосударственной сферы действительно можно словить много чего полезного — от карьеры, денег и заказов для think tank до исправления (пусть часто и иллюзорного) нравов высших лиц государства.

Жизнь одна, и чистоплюи в ней, говорят, проигрывают, поэтому редкий коллега по публичной экономике объявит шарлатаном standup-экономиста. Да и не принято это в научной среде, а ещё в такой скользкой и политизированной теме, как экономика, — без нужды квалифицировать компетентность человека, которого в следующий раз легко увидишь на совещании в Минэкономике или на форуме РЖД.

Тем более что именно эти люди понимают лучше других: standup-экономизм и nothing tanks — явление интернациональное. Бездельников, фантазий и глоткой обеспечивающих себе публичный статус, в современном мире на пространстве от Дублина до Лос-Анджелеса — двое на квадратный километр. Мир гендерных штудий, философии глобального потепления и глобализационных телемостов необъятен и прекрасен. Даже в России большую часть социогуманитарных мыслителей, собранных при администрации президента не чуждым standup-политики Владиславом Сурковым, манят не столько деньги (их там, в общем, почти нет) или власть (к ней не допустят), сколько надежда на причастность к всемирной «индустрии смыслов», проецирующей терабайты текстовой бессмыслицы с графиками и схемами.

Будем же скептичны, имея со всем этим дело.

P.S.: Успеть в последний вагон

Воспринимайте сказанное не как критику, а как самокритику. После того как британская Guardian, проникшись моей вполне рядовой авторской колонкой в «Коммерсанте» в августе 2009 года, в открытую поименовала меня «экономистом», отрицать свою причастность к standup-экономизму глупо. Да и вы — способны ли вы уже отличить standup-экономиста от просто экономиста? А вдруг вы чего-то не знаете?

Исправлю же ошибку молодости. Поскольку это всё равно ничего не значит, настоящим объявляю о создании

Института Нила Сорского и утверждаю себя его экономистом. Юридическое лицо — пустое, секретарь в эпоху телекоммуникаций — бред. Имя Нила, главного русского нестяжателя и участника одной из важнейших в российской истории дискуссий на экономические и социальные темы, даже такого закоренелого атеиста, как я, уберёжёт от мзды. Институт не будет иметь никакого штатного расписания (это анахронизм) и предполагает функционировать на исключительно некоммерческой основе. Презентаций и форумов тоже не будет, обещаю.

Чем же тогда, спросите вы, будет заниматься институт? Скорее всего, тем же, что и остальные, — ничем. Но хотя бы не обманом. В любом случае претензий в сферах, которыми должно заниматься профессионалам, у института нет: ведь, как говорил о себе преподобный Нил, «я невежда и поселянин».

Дмитрий Бутрин,
заведующий отделом экономической политики ИД «Коммерсантъ»,
экономист Института Нила Сорского

Автор: Артур Скальский © Частный корреспондент ОБРАЗОВАНИЕ, РОССИЯ 👁 2250 25.09.2009, 11:49
👍 199

URL: <https://babr24.com/?ADE=81104> Bytes: 16910 / 16842 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)